

УДК 82-31

DOI: 10.17223/19986645/49/9

Е.Е. Анисимова

СТОМАТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «ПНИН»

В статье анализируется важный нюанс смысловой кодировки и сюжетной структуры романа В. Набокова «Пнин» – систематические повторы, связанные с образом зубов. Стоматологические коды романа рассматриваются в широком контексте истории русской эмиграции первой волны и отечественной патографической культуры. С помощью приема острашения раскрывается тема утраты корней русскими эмигрантами, судьба которых на языке патографической образности метафоризируется как утрата больных зубов.

Ключевые слова: В. Набоков, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, эмиграция, сюжет, острашение, двойничество, баллада.

Известно, что когда читатели мгновенно раскупили новый роман Набокова «Пнин» (1957), вышедший после нашумевшей «Лолиты», они были обескуражены. Вместо пикантной «исповеди светлокожего вдовца» перед ними оказалась история удаления зубов пожилого профессора-слависта. До сих пор многие читатели «Пнина» принадлежат к так называемому лагерю теплого чтения (camp of warm reads) в духе «мистера Чипса» [1. Р. 738]. «Лагерь» стал формироваться после выхода фильма «До свиданья, мистер Чипс» (1939), экранизации романа Джеймса Хилтона о добром и неуклюжем учителе. Имя персонажа в англоязычной культуре стало нарицательным, указывая на необходимость сочувственно-смехового восприятия текста и героя. Однако сам Набоков такого подхода к своему творению не разделял. Сохранилось весьма характерное мемуарное свидетельство его корнелльского читателя 1950-х гг.: «На многолюдной вечеринке я вдруг оказался лицом к лицу с [Набоковым]. Чувствуя, что надо же что-то сказать, – хотя мне следовало бы воспротивиться этому позыву, – я сказал ему, что только что прочитал “Пнина” и что он мне очень понравился. Он мог бы просто сказать: “Благодарю”, но вместо того спросил: “Чем же?” Я сказал (что было правдой), что он мне понравился состраданием, которое я там нашел. Он резко отвернулся, словно получил оскорбление» [2]. Что же скрылось в тексте от набоковского читателя, практикующего, судя по всему, описанный и высмеянный самим писателем «тип эмоционального чтения» [3. С. 37]? И почему профессора Пнина так сильно беспокоили его зубы?

Фабула романа представляет собой приготовление персонажа к вырыванию зубов, их полное удаление и, наконец, *vita nova* Тимофея Пнина со съемной вставной челюстью. Вначале следует отметить, что тема больных зубов для Набокова автобиографична. Уже в 11-летнем возрасте будущий писатель отправился с братом в Берлин, где знаменитый американский дантист выправил им зубы, установив на них платиновые проволоки [4. С. 105].

С 1918 г. зубная боль стала его постоянным спутником: сначала зубы разболелись в Крыму в преддверии эмиграции семьи Набоковых, потом при получении французского нансеновского паспорта и затем периодически беспокоили писателя вплоть до их полного удаления. В 1941 г. в Америке писатель удалил сразу восемь зубов и поставил протезы, из-за чего его семья еле свела концы с концами, так как услуги дантистов обходились недешево. Например, чета Зайцевых смогла позволить себе роскошь починить зубы только благодаря помощи Бунина, ставшего после получения Нобелевской премии на краткое время богачом [5. С. 160]. В 1950 г., незадолго до начала работы над «Пниным», Набоков удалил свои последние зубы [6. С. 202]. Но и после этого стоматологическая тема не оставляла его. Например, в 1961 г. писатель рассказывал о своем ночном кошмаре, в котором в отеле начался пожар, и он спас «Веру (жену. – Е.А.) <...> очки, типоскрипт “Ады”, вставные челюсти, паспорт – в этом порядке!» [6. С. 631].

Исследователи, обращая внимание на повторяющиеся в произведениях писателя образы больных зубов [7], обходят молчанием аналогичный сюжет в «Пнине», вероятно, полагая, что больные зубы для немолодого университетского профессора вещь сама собой разумеющаяся. Между тем только здесь стоматологическая тема составляет фабульную основу романа. В «Сборнике литературных произведений русских и зарубежных авторов на тему стоматологии» (2014), изданном Московским государственным медико-стоматологическим университетом им. А.И. Евдокимова в честь года литературы, Набоков отсутствует вовсе, уступив место в разделах «Боль» и «Без зубов» Боккаччо, Чехову, Зощенко и автору анонимного «жестокоего романа» о мстительной дантистке Маруське, вырвавшей зубы изменнику [8]. Стоматологическим сюжетам в советской культуре посвящена специальная статья К.А. Богданова. Он отмечает, что «в самых разных культурах здоровые зубы традиционно выступали символом жизненной силы, телесной крепости и фертильности». Искусственные зубы, напротив, связаны с «медикализацией человеческого тела как тела искусственного» и превращают их обладателей в своего рода людей-роботов, киборгов. Исследователь демонстрирует потенциальную полифункциональность и внутреннюю динамику «зубных сюжетов» в советской культуре: от внимания «к властным функциям медицины и идеологическому контексту социальной медиализации» [9] Зощенко к характерному жанру научной фантастики, где безболезненность советской стоматологии в образе будущего функционально занимала то же место, что и изобретение звездолета или машины времени.

Очевидно, что для культуры русского зарубежья поэтика принудительной медиализации и футуристические картины стоматологического светлого будущего были неактуальны. Напротив, эмигранты с трудом изыскивали возможности для посещения дантиста, а вектор их исторического мышления был направлен, скорее, на осмысление прошлого, нежели на конструирование будущего, ибо очевидно, что будущего у русской интеллигентско-аристократической эмиграции не было никакого. В 1950-е гг., время, когда писался и издавался «Пнин» (на фоне массового ухода эмигрантов первой волны из жизни), в центре дискуссии русского зарубежья находился вопрос о месте художественного наследия эмиграции в контексте большой русской

литературы, в особенности о статусе младшего поколения эмигрантов, так как признание созданного старшим поколением наследия по умолчанию определялось Нобелевской премией Бунина. Еще по наблюдению В. Ходасевича, ключевым приемом для разговора на потенциально травматичную для писателя-эмигранта тему стало остранение: «Жизнь художника и жизнь приема в сознании художника – вот тема Сирина, в той или иной степени вскрываемая едва ли не во всех его писаниях, начиная с “Защиты Лужина”». Однако художник (и, говоря конкретнее, писатель) нигде не показан прямо. <...> Тут мы имеем дело с приемом, впрочем, весьма обычным. Формалисты его зовут остранением. Он заключается в показывании предмета в необычной обстановке, придающей ему новое положение, открывающей в нем новые стороны, заставляющей воспринять его непосредственнее» [10. С. 249–250].

Одними из самых распространенных в середине XX в. стали дендрологические метафоры, позволяющие говорить о *ветвях* русской литературы. Так, «в 1954 г. Глеб Струве писал, что “будущий историк будет, вероятно, рассматривать обе *ветви* (здесь и далее курсив наш. – Е.А.) русской литературы нашего времени в их лучших проявлениях, как неотъемлемую часть единой русской литературы”» [11. С. 164]. В 1959 г. Набоков, резко отреагировав на Нобелевскую премию Б.Л. Пастернака и его одноименное стихотворение, написал: «Но как забавно, что в конце абзаца, / корректору и веку вопреки, / тень русской *ветки* будет колебаться / на мраморе моей руки» [12. С. 227]. Одной из таких метафор стала и фамилия персонажа романа – эмигранта Пнина, так же двупланово соединяющая лингвистический и историко-культурный смысловые планы. С одной стороны, писатель напоминал о практике усечения фамилии (Репнин – Пнин), отделяющей незаконнорожденного потомка от основного родового *древа*. С другой стороны, Набоков на примере Пнина описывал алгоритм существования русской эмиграции как *пня* – дерева, имеющего корни, но не имеющего перспектив роста и развития. Так, сам будучи бездетным, Пнин, приезжает в так называемый «Замок Кука», где собираются раз в два года пожилые русские эмигранты, и замечает, что их юные отпрыски живут совершенно отдельной жизнью и уже не интересуются русской культурой: «Мои близнецы повергают меня в отчаяние, – рассказывает один из персонажей. – Когда я встречаюсь с ними – за обедом или завтраком – и пытаюсь им рассказать об интереснейших, увлекательнейших вещах, скажем, о выборном самоуправлении на русском Крайнем Севере в семнадцатом веке или, к примеру, что-то из истории первых медицинских школ в России, – есть, кстати, превосходная монография Чистовича об этом, изданная в 1883 году, – они попросту разбегаются по своим комнатам и включают там радио» [13. С. 108].

Набоков, профессиональный энтомолог и филолог, считал, что природа и настоящий мастер всегда прячут свои секреты в деталях, и потому тщательно следил, чтобы портрет Тимофея Пнина на первой обложке романа оказался предельно точным. Так, согласно инструкции, которую писатель составил для иллюстраторов, «голова должна быть *совершенно лысой, без какого бы то ни было темного ореола*», «он должен изображать *чисто выбритого* русского мужика» [6. С. 359]. Таким он появляется уже в первых строках романа: «Идеально *лысый*, загорелый и *чисто выбритый* <...> очки в черепаховой

оправе (скрывающие младенческое *отсутствие бровей*)» [13. С. 11]. Напротив, «плохие зубы Пнина не должны быть видны» [6. С. 359], пишет художникам Набоков, вероятно, не теряя надежды на то, что среди иллюстраторов, не читавших роман и неверно нарисовавших Пнина в первый раз, найдется тот, кто изучит текст и отметит эту характерную деталь его образа.

Больными зубами Пнина стоматологические коды романа не исчерпываются. Целостность текста обеспечивается целой системой фоновых образов, не позволяющих читателю забыть о физиологических подтекстах романа. К их числу стоит отнести русского эмигранта Александра Петровича Кукольника, ставшего в Америке Алом Куком. Судьба его однофамильца Джеймса Кука хорошо известна, причем ассоциативная связь со съеденным тихоокеанскими туземцами первооткрывателем усиливается в англоязычном тексте романа омонимичностью фамилии и глагола “cook” – ‘готовить еду’ («Al Cook was a son of Piotr Kukolnikov» [13. С. 106; 14]). Далее образ прикрепляется практически к каждому представителю русской заокеанской диаспоры, которые раз в два года поселяются в так называемом «Доме Кука». Другим сквозным «зубным» образом становится образ *грызуна* – белки, одновременно отсылающий и к поясняемой в тексте лингвистической ошибке при переводе «Золушки», и к сложной системе нарраторов в «Повестях Белкина», и к обладательнице прекрасных зубов экс-супруге героя. Сам Пнин с новой челюстью начинает напоминать персонажа другой известной сказки, когда в одной из сцен орудует «ногастыми» и похожими на человека щипцами для орехов, в оригинале «nutcracker» – ‘Щелкунчик’ [Там же. С. 155; 14].

Образ *челюсти* входит в артикуляционные «лирические отступления» Набокова: «Органами, отвечающими за порождение звуков английской речи, являются: гортань, нёбо, губы, язык (пульчинелла этой труппы) и последнее (по порядку, но не по значению) – нижняя челюсть; на ее-то сверхэнергические и отчасти жевательные движения и полагался главным образом Пнин, переводя на занятиях куски русской грамматики или какое-нибудь стихотворение Пушкина» [Там же. С. 62]. Однако речевой аппарат персонажа не может справиться с английским произношением, постоянно наполняя реальность романа ономастическими персонажами-двойниками. Например, в романе помимо миссис Тейер благодаря произношению Пнина появляется и миссис Файр: «“Mrs. Fire, who is now working at the library part time”. “Yes – Mrs. Thayer, I know. Well, do you want to see that room?”»; «Mrs. Thayer was at the circulation desk. Her mother and Mrs. Clements’ mother had been first cousins. “How are you today, Professor Pnin?” “I am very well, Mrs. Fire”» [Там же. С. 32, 70; 14]. Не меньше сложностей возникает и у самих американцев, которые не могут произнести фамилию Pnin из-за отсутствия сочетания [pn] в английской фонетике (например, pneumatic – [nju:ˈmætɪk]; pneumonia [nju:ˈmæniə] и пытаются передать этот непронизносимый антропоним при помощи звукоподражания – звука лопнувшего мячика для пинг-понга. Представляется, что здесь перед нами также далеко не бессмысленная отсылка, которая потенциально может намекать на «пневму», душу героя, заключенную в лишенном побегов «пне»: обыгрывание «пн-» / “pn-” в «пне», «пневме-душе» и «пинг-понге» – один из столь любимых писателем филологических

ребусов¹. Основанная на кумуляции поездок героя фабула романа, открыто отсылающая к любимому Набоковым Гоголю и его «Мертвым душам» (в «Пнинне» даже есть собака по кличке Собакевич), кажется, лишь подкрепляет эту догадку.

Идея эмиграции как двойничества обосновывается Набоковым в его русскоязычной автобиографии «Другие берега» (1954). В пятой главе книги писатель реконструирует приезд французской гувернантки в Россию в жанровых координатах баллады. Подобно героине одноименной баллады Жуковского, Светлане, потерянная иностранка оказывается в России: зимой, под луной, посреди метели, в революционный 1905 г. (вспомним здесь об актуальности балладных кодов в описании революции русскими писателями: Буниным, Блоком, Булгаковым, Пастернаком и др.). Эмоциональное напряжение усиливается языковым барьером – вышедшая на глухой станции уроженка Лозанны знала только одно слово – «где», которое, как сказано в тексте, «превращалось у нее в “гиди-э” и, полнясь магическим смыслом, звуча граем потерявшейся птицы, оно набирало столько вопросительной и заклинательной силы, что удовлетворяло всем ее нуждам» [15. С. 202]. В писавшейся одновременно с «Пниным» книге мемуаров Набоков раскрывает смысловой потенциал баллады, в основе жанрового архетипа которой лежит сюжет нелегитимного пересечения границы [16. С. 99]. Этот сюжет реализуется в текстах писателя как пересечение языковой и культурной границы эмигрантами, которые функционально оказываются на том же месте, что и вторгающиеся в мир живых мертвецы. Переезд за границу в воспоминаниях Набокова преломляется в балладном ключе: история *Mademoiselle* – пародийно, собственная – уже серьезно:

Совершенно прелестно, совершенно безлюдно. Но что же я-то тут делаю, посреди стереоскопической феерии? *Как попал я сюда? Точно в дурном сне, удалились сани, оставив стоящего на страшном русском снегу моего двойника в американском пальто на викуньевом меху. Саней нет как нет: бубенчики их – лишь раковинный звон крови у меня в ушах. Домой – за спасительный океан! Однако двойник медлит. Все тихо, все околдовано светлым диском над русской пустыней моего прошлого. Снег – настоящий на ощупь; и когда наклоняюсь, чтобы набрать его в горсть, полвека жизни рассыпается морозной пылью у меня промеж пальцев* [15. С. 204].

Ю.В. Шатин отметил, что в истории баллады существенным жанровым сдвигом становится «присвоение художественного пространства говорящим», благодаря которому она со временем трансформируется в «лирическую исповедь» [17. С. 60]. У Набокова этот вектор деканонизации доводится до логического предела, когда баллада становится органичной частью автобиографического повествования. Автор включает в «Другие берега» прозрачные отсылки к зимней балладе Жуковского, но с характерной сменой

¹ В «Бледном пламени» аналогичный мотив лопнувшего надувного резервуара (таким в романе 1962 г. является автомобильная шина), «привязанного», как и в «Пнинне», к имени героя, дан авторским неологизмом «рпноо», восходящим к исходному французскому названию автопокрышки – «pneumatique».

точки зрения на двоящееся сознание повествователя и его «двойника в американском пальто», иначе говоря, двойника-эмигранта. Сохраняется традиционное для баллады «чередование фрагментов с повествовательной интонацией и фрагментов, организованных как восклицания или риторические вопросы» [17. С. 61], звуковая анафора (*сон, сани, страшный снег* и т.д.), но балладный страх переходит в сферу исторической рефлексии – страшной раздвоенности сознания эмигранта. Эмигрант – центральный тип в системе персонажей Набокова – это всегда личность с проявленной патологией, и беззубость Пнина – одна из версий этой повторяющейся характеристики. Важно, что функциональное замещение балладного мертвеца автобиографическим героем Набокова в «Других берегах» усиливается повторяющимся образом *саней*, традиционным похоронным атрибутом восточных славян, в этом качестве появившихся еще в общеизвестном зачине «Поучения Владимира Мономаха» (см. коммент. Д.С. Лихачева: [18. С. 517]).

В «Пнине» Набоков применяет целую систему литературных приемов, демонстрирующих ложность занимаемого эмигрантами положения: трансформацию жанровой балладной модели, аллюзии на образы гоголевских самозванцев, многочисленные языковые коды, указывающие на нелегитимный, «незаконнорожденный» статус экспатрианта, неизбежное удвоение его вербальной и ментальной реальности. В число таких смысловых кодов входит и удаление зубов как утрата витальной энергии и вырывание культурно-исторических корней. Вскоре после выхода набоковского «Пнина» эта метафора была упрощена и разъяснена в «Челюсти эмигранта» (1957) Василия Яновского, открывающейся сценой сеанса удаления зуба в приемной дантиста:

– А вот, – задавался Шумахер: – челюсть, найденная в Перу: ей тысяча лет! <...> Однако, ученые не знают отчего такое различие в технике, – продолжал делиться любимыми мыслями дантист: – Есть вполне добротные из серебра, есть из бронзы, а рядом совсем рудиментарные, из смеси гипса с глиною. Специалисты написали целые труды об этих пломбах и всё-таки не нашли объяснения...

– Вероятно, это эмигрант, – тихо сказал Богдан: – Бежал с родины, скитался по многим государствам с разным уровнем культуры, и в зубах сохранился след его передвижений [19. С. 8].

Известно, что телесные коды являются одним из самых древних способов миромоделирования. Как следует из широко известных работ О. Матич и К.А. Богданова, Петр I, реформатор, заставивший Россию расстаться со средневековыми «корнями», не только «собственноручно брил бороды» [20. С. 180], но и сам «вырывал зубы и делал это с великою охотою»: в музеях сохранились стоматологические инструменты царя и целая коробка удаленных им лично зубов [21. С. 38]. Первая половина XX в., как и Петровская эпоха, также представляла собой масштабный культурный слом, когда соотечественники Набокова должны были пережить аналогичную болезненную процедуру. Тимофей Пнин «с изумлением обнаружил, как сильно был привязан к своим зубам <...> И когда ему, наконец, установили протезы, получи-

лось что-то вроде черепа неvezучего ископаемого, оснащенного ослабленными челюстями совершенно чужого ему существа» [13. С. 38]. В стилизованном романном идеологическом споре приятели Пнина – профессор философии истории и профессор истории философии (своеобразные Бобчинский и Добчинский на набоковский лад) – полемизируют по поводу реальности подобных «ископаемых»: «“Реальность – это долговременность!” – бухал один из голосов, Болотова; – “Никак нет! – восклицал другой. – Мыльный пузырь так же реален, как зуб ископаемого!”» [Там же. С. 107]. Здесь писатель возвращается к дискуссии первых лет эмиграции, в которой сам когда-то принимал участие. В архивохранилищах сохранилась рукопись доклада Набокова «On Generalities» («Об обобщениях»), прочитанного им в Берлинском литературном кружке в 1926 г. [22], в котором автор также сталкивает две точки зрения на историю. В качестве «мыльного пузыря» тогда выступал советский политический проект: «Что касается революционного душка, то и он, случайно появившись, случайно и пропадет, как уже случалось тысячу раз в истории человечества. В России глуповатый коммунизм сменится чем-нибудь более умным, – и через сто лет о скучнейшем господине Ульянове будут знать только историки». Ему противопоставлялся человеческий и вещный мир, который для последующих поколений станет лелеемым ископаемым: «А пока будем по-язычески, по-божески наслаждаться нашим временем, его восхитительными машинами, огромными гостиницами, развалины которых грядущее будет лелеать, как мы лелеем Парфенон; его удобнейшими кожаными креслами, которых не знали наши предки; его тончайшими научными исследованиями; его мягкой быстротой и незлым юмором; и главным образом тем привкусом вечности, который был и будет во всяком веке» [23].

С годами писатель становится более осторожным в своих исторических прогнозах, предпочитая пропускать свои историософские размышления через сложную сеть литературных приемов в художественной и автобиографической прозе. Так, образ потерявшего зубы Пнина отнюдь не формирует модель исключительно драматической судьбы русской эмиграции. Персонаж оказался настолько доволен своими искусственными, лишенными корней, а значит, не причиняющими боли, зубами, что даже предлагает полное удаление зубов знакомым американцам: «А однажды вечером он подстерег Лоренса Клемента, торопившегося тайком проскочить к себе в кабинет и, издавая бессвязные триумфальные клики, принялся демонстрировать красоту своего приобретения, легкость, с которой оно вынимается и вставляется, а также убеждать удивленного, но отнюдь не враждебного Лоренса завтра же утром первым делом пойти и вырвать все зубы» [13. С. 39]. В геокультурных координатах искусственные «улыбающиеся» челюсти Пнина предстают Америкой, старые, вырванные зубы символизируют Россию. Причем показательно, что понять и описать покинутую родину персонаж оказывается способен только после отказа от «зубной» боли по ней: «Это было откровение, восход солнца, крепкий прикус деловитой, *алебастрово-белой, человеческой Америки*. Ночами он держал свое сокровище в особом стакане с особой жидкостью, там оно улыбалось само себе, розовое и жемчужное, совершенное, словно некий прелестный представитель глубоководной флоры. *Большая работа, посвященная старой России*, дивная греза, смесь фольклора, поэзии, социальной истории и

petite histoire, которую он так любовно обдумывал последние десять, примерно, лет, теперь, когда головные боли ушли, а новый амфитеатр из полупрозрачного пластика как бы таил в себе возможности и сцены, и исполнения, наконец-то казалась осуществимой» [13. С. 38].

В художественной ткани романа зубы и челюсти Пнина соотнесены с образами книги и библиотеки: «С застенчиво таинственным выражением благодетельный Пнин, припасший для деток дивное лакомство, которое когда-то пробовал сам, и уже обнаруживший в невольной улыбке неполный, но пугающий набор *пожелтых зубов*, открывал на кожаной изящной закладке, предусмотрительно им туда вложенной, *потрепанную русскую книгу*. Он открывал ее и немедленно, – случалось это так же часто, как и не случалось, – выражение крайнего смятения искажало его живые черты: приоткрыв рот, он принимался лихорадочно перелистывать книгу во всех направлениях; порой проходили минуты, прежде чем он находил нужную страницу, – или убеждался, наконец, что все же верно ее заложил» [Там же. С. 14–15]. Но если ранее больные зубы Пнина постоянно препятствовали его научной и учебной деятельности, то наконец отказавшись от них, «слегка *пошевеливая зубными протезами, на которые налипла пленочка творога*, Пнин поднялся по *скользящим ступеням библиотеки*». Взяв каталожный ящик, Пнин «несет его, *словно большой орех, в укромный уголок и там тихо вкушает духовную пищу*», впервые за долгие годы и неожиданно для себя обнаруживая незамеченные ранее сходства и связи, необходимые ему для того, чтобы зубами (а как же еще добраться до ядра «ореха»?) раскусить «...“Малую историю” русской культуры, в которой российские несурезицы, обычаи, литературные анекдоты и тому подобное были бы подобраны так, чтобы отразить в миниатюре “Большую историю” – основное сцепление событий» [Там же. С. 69, 72].

Литература

1. Rice J.L. “Why must people be unhappy?” – *Pnin* for Pedagogical Purposes // Word, Music, History: A Festschrift for Caryl Emerson. Stanford, 2005. P. 735–741.
2. Барбятарло Г. Разрешенный диссонанс // Звезда. 2003. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/4/bart.html> (дата обращения: 04.05.2017).
3. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. СПб., 2010.
4. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: биография. СПб., 2010.
5. Гордиенко Т.В. И.А. Бунин и Б.К. Зайцев в Москве и в эмиграции // И.А. Бунин и его окружение: к 140-летию со дня рождения писателя. М., 2010. С. 148–172.
6. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография. СПб., 2010.
7. Погорелова Д.А. Врачи-палачи, зубы и дантисты в русской прозе В.В. Набокова // Учен. зап. Харьковского национального пед. ун-та им. Г.С. Сковороды. Литературоведение. 2012. Т. 2, № 1 (69). С. 135–141.
8. Сборник литературных произведений русских и зарубежных авторов на тему стоматологии. Зубы / сост. О.О. Янушевич, Е.Е. Бергер, М.С. Тютурская. М., 2014.
9. Богданов К.А. История сквозь зубы (стоматологические сюжеты в советской культуре) // Новое лит. обозрение. 2013. № 122. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/18b.html> (дата обращения: 05.05.2017).
10. Ходасевич Вл. О Сирине // В.В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. Т. 1. С. 244–250.
11. Матич О. Диаспора как остраение (русская литература в эмиграции) // Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1996. Т. 2, № 2. С. 158–179.
12. Набоков В.В. Стихотворения. СПб., 2002.
13. Набоков В.В. Собрание сочинений: в 5 т. СПб., 2004. Т. 3.
14. Nabokov V. Pnin. New York: Vintage, 1989.

15. *Набоков В.В.* Русский период // Собр. соч.: в 5 т. СПб., 2008. Т. 5.
16. *Анисимов К.В.* «Грамматика любви» И.А. Бунина: текст, контекст, смысл. Красноярск, 2015.
17. *Шатин Ю.В.* Мотив и жанр: приход ожившего мертвеца за жертвой (от «Леноры» Бюргера до «Революционной казачки» Пригова) // Литература и фольклорная традиция: сб. науч. тр.: К семидесятилетию проф. Д.Н. Медриша. Волгоград, 1997. С. 52–63.
18. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1999.
19. *Яновский В.С.* Челюсть эмигранта. Нью-Йорк, 1957.
20. *Матич О.* Постскрипtum о великом анатоме: Петр Первый и культурная метафора рассечения трупов // Новое лит. обозрение. 1995. № 11. С. 180–184.
21. *Богданов К.А.* Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005.
22. *Долинин А.* Доклады Владимира Набокова в Берлинском литературном кружке: (Из рукописных материалов двадцатых годов) // Звезда. 1999. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/dolinin.html> (дата обращения: 12.05.2017).
23. *Набоков В.* On Generalities. Гоголь. Человек и вещи / публ. и примеч. А. Долинина // Звезда. 1999. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/general.html> (дата обращения: 12.05.2017).

THE DENTAL CODE IN VLADIMIR NABOKOV'S *PNIN*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 49. 136–146. DOI: 10.17223/19986645/49/9

Evgenia E. Anisimova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).
E-mail: eval393@mail.ru

Keywords: V. Nabokov, V.A. Zhukovsky, N.V. Gogol, Russian first-wave emigration, plot, defamiliarization, doubleganger, ballad.

The article analyzes an important aspect of the semantic encoding and plot structure of Nabokov's novel *Pnin* – the continual repetition of the images of teeth. This novel's dental codes are considered in the broad context which comprises primarily the author's re-thinking the myth of the Russian emigration with signs and elements of Russian pathographic culture. The research is focused on the technique of defamiliarisation which provides the reader with a metaphor of a person losing his teeth being pulled out, which meant the destiny of "rootless" Russian emigrants to Nabokov in the language of pathographic imagery. The author of the article studies Nabokov's refraction of the philosophy of history and identity attracting a large number of examples referring to the structure of the novel, the imagery of fragmented bodies, duplicity in the plot, allusions to the Russian ballads. *Pnin* is considered in the context of Nabokov's autobiographical prose. Thus, Nabokov's book *The Other Shores* written simultaneously with *Pnin* is involved in the research. In his autobiographical oeuvre Nabokov substantiates the idea of emigrants as doublegangers applying in these representations primarily the archetypes of the ballad genre. The plot of crossing the border by an illegitimate intruder is the core of ballad poetics. In Nabokov's version this topos gives birth to the motifs of crossing the linguistic and cultural boundaries by emigrants who resemble in these situations the ballad dead men invading the world of the living. Thus, the ballad horror is activated in the field of historical reflection and becomes an equivalent of the painful duality of emigrants' consciousness. An emigrant as a crucial figure in Nabokov's system of characters is always a pathological person, and *Pnin*'s toothlessness is one of the versions of this recurring feature. The main character's name is another device appearing as a metaphor of defamiliarisation of the phenomenon of Russian emigration. The two, linguistic and historical, perspectives are combined in *Pnin* as a word. On the one hand, the writer reminds the reader on the Russian practice of truncating the names of bastard sons of a noble ancestry (*Repnin* – *Pnin*), illegal branches on a family trees. On the other hand, accentuating the sense of a "stub" (Rus. *pen'* means "stub"), Nabokov succeeds to describe the sad historical prospect of the Russian emigration as a tree deprived of body and branches. The first half of the 20th century, alike with the epoch of Peter the Great (who himself regularly practiced pulling his subjects' teeth), was a large-scale cultural breakdown which compelled Nabokov's compatriots to endure the same painful procedure of parting with their "roots" as that of the 18th century when Russian elite was involuntarily turning by the czar from traditional "boysars" to the European gentry. The geocultural perspective proves this main idea: on a

symbolic map Pnin associates his artificial smiling jaws with America while his old sick and therefore pulled out teeth become the symbol of Russia lost forever. Moreover, Pnin becomes able to fully apprehend and describe his forsaken homeland only when he is finally free from his “toothache” provoked by pulling his roots out.

References

1. Rice, J.L. (2005) “Why must people be unhappy?” – Pnin for Pedagogical Purposes. In: Fleishmann, L. et al. (eds) *Word, Music, History: A Festschrift for Caryl Emerson*. Stanford: Stanford University.
2. Barabtarlo, G. (2003) Razreshennyy dissonans [The resolved dissonance]. *Zvezda*. 4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/4/bart.html>. (Accessed: 04.05.2017).
3. Nabokov, V.V. (2010) *Leksii po zarubezhnoy literature* [Lectures on foreign literature]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
4. Boyd, B. (2010) *Vladimir Nabokov: russkie gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: Russian years: Biography]. Translated from English. St. Petersburg: Simpozium.
5. Gordienko, T.V. (2010) I.A. Bunin i B.K. Zaitsev v Moskve i v emigratsii [I.A. Bunin and B.K. Zaitsev in Moscow and in emigration]. In: Kolobaeva, L.A. et al. (eds) *I.A. Bunin i ego okruzhenie: k 140-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [I.A. Bunin and his circle: to the 140th anniversary of the birth of the writer]. Moscow: Russkiy impul's.
6. Boyd, B. (2010) *Vladimir Nabokov: amerikanskie gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: American years: Biography]. Translated from English. St. Petersburg: Simpozium.
7. Pogorelova, D.A. (2012) Vrachy-palachi, zuby i dantisty v russkoy proze V.V. Nabokova [Doctors-executioners, teeth and dentists in the Russian prose of V.V. Nabokov]. *Uch. zap. Khar'kovskogo natsional'n. ped. un-ta im. G.S. Skovorody. Literaturovedenie*. 2:1(69). pp. 135–141.
8. Yanushevich, O.O., Berger, E.E. & Tutorskaya, M.S. (2014) *Sbornik literaturnykh proizvedeniy russkikh i zarubezhnykh avtorov na temu stomatologii. Zuby* [Collection of literary works of Russian and foreign authors on the theme of dentistry. Teeth]. Moscow: [s.n.].
9. Bogdanov, K.A. (2013) Istoriya skvoz' zuby (stomatologicheskie syuzhety v sovetskoy kul'ture) [History through the teeth (dental plots in Soviet culture)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 122. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/18b.html>. (Accessed: 05.05.2017).
10. Khodasevich, V.I. (1997) O Sirine [About Sirin]. In: Dolinin, A. et al. (eds) *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg: RKhGi.
11. Matich, O. (1996) Diaspora kak ostranenie (russkaya literatura v emigratsii) [Diaspora as defamiliarization (Russian literature in emigration)]. *Ezhekvartal'nik russkoy filologii i kul'tury*. II:2. pp. 158–179.
12. Nabokov, V.V. (2002) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
13. Nabokov, V.V. (2004) *Sobr. soch.: v 5 t.* [Works: in 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Simpozium.
14. Nabokov, V. (1989) *Pnin*. New-York: Vintage.
15. Nabokov, V.V. (2008) *Russkiy period. Sobr. soch.: v 5 t.* [Russian period. Works: in 5 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Simpozium.
16. Anisimov, K.V. (2015) “Grammatika lyubvi” I.A. Bunina: tekst, kontekst, smysl [“Grammar of Love” by I.A. Bunin: text, context, meaning]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
17. Shatin, Yu.V. (1997) Motiv i zhanr: prikhod ozhivshogo mertvetsa za zhertvoy (ot “Lenory” Byurgera do “Revol'yutsionnoy kazachki” Prigova) [Motive and genre: the arrival of the revived dead person after the victim (from “The Lenore” by Burger to the “Revolutionary She-Cossack” by Prigov)]. In: *Literatura i fol'klornaya traditsiya: sb. nauch. tr.: k semidesyatiletiyu prof. D.N. Medrisha* [Literature and folklore tradition: research works: to the seventieth birthday of Prof. D.N. Medrisha]. Volgograd: Peremena.
18. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1999) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Nauka.
19. Yanovskiy, V.S. (1957) *Chelyust' emigranta* [Jaw of the emigrant]. New York: [Dialog].
20. Matich, O. (1995) Postskriptum o velikom anatome: Petr Pervyy i kul'turnaya metafora rassecheniya trupov [Post-Scriptum on the great anatomist: Peter the First and the cultural metaphor of dissection of corpses]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 11. pp. 180–184.
21. Bogdanov, K.A. (2005) *Vрачи, пациенты, читатели: Патологические тексты русской культуры XVIII–XIX веков* [Doctors, patients, readers: Pathological texts of Russian culture of the 18th–19th centuries]. Moscow: OGI.

22. Dolinin, A. (1999) Doklady Vladimira Nabokova v Berlinskom literaturnom kruzhke (Iz rukopisnykh materialov dvadtsatykh godov) [Reports of Vladimir Nabokov in the Berlin literary circle (From the hand-written materials of the twenties)]. *Zvezda*. 4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/dolinin.html>. (Accessed: 12.05.2017).

23. Nabokov, V. (1999) On Generalities. Gogol'. Chelovek i veshchi [On Generalities. Gogol. Man and things]. *Zvezda*. 4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/general.html>. (Accessed: 12.05.2017).